

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.12>

Хужахметов Айнур Оскарович, Усманов Ринат Шамилевич

**ВОПРОСЫ РУССКО-БАШКИРСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ В ПИСЬМЕ БАТЫРШИ АЛИЕВА
ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ**

Статья посвящена анализу письма Батырши Алиева императрице Елизавете Петровне. Затрагиваются проблемы, возникающие при столкновении двух мировоззрений на различных уровнях. На примере письма показывается эволюция взаимоотношений народов, начавшихся с более-менее устойчивых экономических связей и дошедших до резкой конфликтной ситуации в продолжение столетия. Исследование отличается новизной в области раскрытия панорамы устремленности русской и башкирской культур от стабильности к беспорядку и наоборот с точки зрения литературоведческой и культурологической парадигм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 263-266. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 02.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.12>

Статья посвящена анализу письма Батырши Алиева императрице Елизавете Петровне. Затрагиваются проблемы, возникающие при столкновении двух мировоззрений на различных уровнях. На примере письма показывается эволюция взаимоотношений народов, начавшихся с более-менее устойчивых экономических связей и дошедших до резкой конфликтной ситуации в продолжение столетия. Исследование отличается новизной в области раскрытия панорамы устремленности русской и башкирской культур от стабильности к беспорядку и наоборот с точки зрения литературоведческой и культурологической парадигм.

Ключевые слова и фразы: русско-башкирские взаимоотношения; Батырша Алиев; эпистолярный жанр; лингвостилистический анализ; образ; культура; традиции; ценности; аттрактор.

Хужахметов Айнур Оскарович, к. филол. н.

Усманов Ринат Шамилевич, к. филол. н.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

khuzha@mail.ru; rinatusmanov@mail.ru

ВОПРОСЫ РУССКО-БАШКИРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПИСЬМЕ БАТЫРШИ АЛИЕВА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Русско-башкирские культурные и литературные взаимосвязи XVI – начала XX века: этапы и особенности развития», № 18-412-020034 p_a.

Со времени добровольного присоединения башкирского народа к Русскому государству и до середины XVIII века русско-башкирские взаимоотношения претерпели немалую эволюцию.

Если с XVI по середину XVII века башкиры контактировали с русскими в большинстве в уровне экономических и политических отношений, в том числе совместные военные действия против общего врага во время Ливонской войны и в составе ополчения Минина и Пожарского в 1612 году, то в правление династии Романовых картина меняется. Постепенно по мере расширения экспансии Русского государства на восток, генерирования четких проектов по освоению новых территорий, появления на Урале переселенцев русско-башкирские взаимоотношения усложнились.

Усиление христианизации населения и интенсивная колонизация края, обезземеливание, ужесточение повинностей не добавляли добрососедских отношений между народами. Противостояние двух религий – христианства и ислама, находящихся в фундаменте духовного естества, мировоззрения, общественного устройства и бытовой жизни русского и башкирского народа соответственно, было жестким, учитывая, что большинство башкирских восстаний носили глубоко религиозный характер. А мировоззрение и взгляды на окружающий мир, духовные ценности у двух народов сильно отличались (мифология, отношение к земле, к природе, к человеку, к семье и др.). Интересно отметить, что в царской России браки между представителями различных национальностей разрешались лишь в рамках одного социального круга или одной религии, что было прописано Сводом законов Российской империи [10, с. 175].

С одной стороны, в составе России был положен конец былой территориальной и политической племенной раздробленности башкирского народа, что впоследствии привело к этнической консолидации. Известны факты складывания добрососедских отношений, к примеру, в совместном осваивании природных богатств Урала, защите от внешних неприятелей [7, с. 53]. С другой – башкиры потеряли право на суверенитет, вынуждены были почувствовать на себе гнет насильственной христианизации и колонизации.

Исследователь М. В. Кривошлыкова утверждает, что в русском сознании создание образа Башкортостана и башкир основывалось на «упрощенных, схематичных образах данной этнической группы – стереотипах» [8, с. 106]. Русские воспринимали башкирскую культуру сквозь призму этноцентризма, сформировавшегося за период контактов между народами, по-другому говоря, через контрастивное сравнение собственной и чужой этнической группы, в результате которого наблюдается тенденция к внутригрупповому фаворитизму и императивизму. Ценности и традиции русской культуры при этом являются образцом, тогда как структурные элементы башкирской культуры оцениваются как патология. В силу этого антитеза «мы» – «они» базировалась на осознании русских себя как европейцев, носителей более передовых и прогрессивных идей, а башкирского общества – как отстающего, косного, провинциального. Факты, изложенные в письме Батырши императрице Елизавете Петровне, подтверждают выводы ученого.

Бахадур-Шах Али улы (Габдулла Алиев, Абдулла Мязгялдин, Батырша) является идеологом и вдохновителем восстания 1755-1756 гг., задачей которого стало формирование государства в Урал-Поволжье. В данную эпоху возрастает сила слова, которое аккумулировало внимание народных масс при помощи публицистической парадигмы, становясь социальным актом. Яркие образцы башкирской народной публицистики появились именно в этот отрезок времени, когда началось российское колониальное управление краем. Усиленное ограничение самоуправления народа, полномасштабная борьба за права и свободы башкир отражены в художественном эпистолярном жанре [12, с. 194].

Одной из основных причин является то, что в 40-х годах XVIII века имперская администрация создала Контур новокрещеных дел, главным достижением которой явилось проведение крупномасштабной христианизации в Урало-Поволжском регионе. Кампания ставила целью не только преобразование в христиан

мусульман и язычников, но и ослабление ислама. «Деятельность конторы наиболее активно осуществлялась в губерниях Средней Волги – Казани, Нижнем Новгороде и Пензе, где сотни мечетей были разрушены, и тысячи мусульман, а также чуваша и волжские финны были выселены или христианизированы» [2, с. 46].

Батырша, являясь мишарином, представителем служивого, преданного империи народа, со стороны властей признавался как один из факторов для достаточно удачного и бесконфликтного администрирования края. Также, к примеру, оренбургский губернатор И. И. Неплюев, признавая необходимость таких улемов, как Батырша Алиев, сознался в том, «что подделывал письма от имени ахуна Оренбурга, некоего Ибрахима Абдрахманова, призывая казахов оставаться нейтральными в восстании» [Там же, с. 48-49]. Это доказательство того влияния, которое оказывали в Урало-Поволжье религиозные лидеры.

По письму Бахадур-Шах Али улы (Габдуллы Алиева, Абдуллы Мязгялдина, Батырши) императрице Елизавете Петровне издано немало научных исследований таких ученых, как Г. Б. Хусаинов [9; 11], Т. Б. Бельская [3], Д. Ж. Валеев [4], И. Г. Акманов [1], М. Х. Идельбаев [6] и др.

Д. Ж. Валеев отмечает, что письмо улема императрице – результат большого мыслительного труда, который основан на философских размышлениях о краеугольных проблемах бытия. В произведении тесно переплетается история общественного сознательного и морали, хроники прошлого взаимоотношений людей [4, с. 79].

Письмо Батырши также содержит в себе факты, раскрывающие картину развития русско-башкирских взаимоотношений к середине XVIII века. Конечно же, автор, который к моменту написания содержится под стражей, пытается держать планку дипломатичности, осторожен в высказываниях. Однако конкретное изложение фактов увиденного Батыршой, его комментарии случившихся драматических событий дают сделать выводы о том, что автор, в общем и целом осознавая свое положение, проявляет предельную честность и объективность при написании письма императрице.

К середине XVIII века Башкортостан уже около 200 лет был в составе Российского государства, из них примерно последние 100 лет, со времен восстания 1662-1664 гг., особенно с начала Оренбургской экспедиции Кириллова в 30-е гг. XVIII в., – территория, где ведутся полномасштабные военные действия, гибнет массово и мирное население.

Батырша в тексте письма делит общество на две биполярные категории: 1) правоверные мусульмане, в числе которых башкиры, мишаре, татары; 2) начальники, генералы, русские, неверные. Над ними высится фигура падишаха как мерила справедливости, «величественного и священного». В этом ключе важно замечание М. Х. Идельбаева, рассматривающего структуру и художественно-содержательную сторону произведения как основывающиеся на трех лейтмотивах. Это, прежде всего, взгляды автора на адептов местной власти, саму государыню и представителей феодального сообщества [6, с. 67].

Между названными нами категориями общества на территории недавно созданной Оренбургской губернии происходят частые конфликты из-за того, что данная территория является местом хаоса, в котором происходит столкновение различных культур: автохтонного населения – башкир и переселенцев, – подогреваемое проводимой в крае агрессивной государственной колониальной политикой. Поэтому в тексте письма читаем: «... проезжающие по всем сторонам русские служилые [люди] чинили бесконечные притеснения, мучили, избивали, брали поборы, совершали кражи, а также и то, что драгуны избивали до смерти людей, сопровождавших подводы, – могу ли перечислить все до конца» [Там же, с. 75].

При этом «русских, сколько бы они не совершили злодеяний и воровства, “ворами” не обзывают» [Там же, с. 96]. Это говорит о том, что правосудие со стороны колониальных властей вершится избирательно.

В таком пространстве, где царит беззаконие и хаос, творимые колониальными властями, случаются притеснения со стороны коллаборационистов – старшин-куштанов. Батырша упоминает не только о разгуле мздоимства и взяточничества, но и о фактах открытого насилия: «... [старшина] в своей ли команде или в других [местах], в аулах, которые он объезжает, захватывает путем принуждения и угроз какую-нибудь намеченную, бросающуюся в глаза красавицу с целью прелюбодеяния и живет с ней» [Там же, с. 88].

Но, будучи улемом и ахуном, Батырша Алиев в первую очередь обращает внимание на болезненный для себя самого вектор развития царского колониализма: «Одно из этих дел то, что архиереи русской церкви, или попы, и прочие наших братьев по вере, то есть правоверных мусульман [живущих] по окраинам, то есть в Казанской, Оренбургской и Тобольской губерниях, переводят из веры ислама в русскую веру путем угроз, хитрости, запугивания и как только можно, путем принуждения и, при отвращении [со стороны] тех, составляли прошения, якобы с согласия и по желанию самих мусульман, и те прикладывали свои тамги» [Там же, с. 72]. Как продолжает возмущенный автор, подвергнувшись произволу и насилию люди обращались к органам власти, требуя правосудия, ни одна из их жалоб не рассматривается. Ахун также упоминает о предписании чувашскому старшине Ильтабану перейти со всей командой в русскую веру или вернуться в языческую [Там же, с. 80], что показывает степень неприятия царизмом ислама.

К актам насильственной христианизации добавляются красочно описанные в письме поборы, включая караульную службу с различными тяжелыми работами, воинскую повинность и покупку соли в крепостях, хитрости, запугивания и притеснения со стороны колониальных властей и, как отмечает сам Батырша, «старшин-куштанов».

Эти действия государства приводят к мыслям о противодействии неверным и созданию концепции единения уральских и приволжских мусульман под «булгарской» идентичностью, одним из первых создателей которой был именно Батырша Алиев [2, с. 48]. Следующие строки – яркое доказательство данной мысли: «... чтобы все единоверцы, увидав, как огонь злодеяний притеснителей, перешедший все границы, непреодолимо охватывая здания и постройки города нашей веры, почти разбивает и уничтожает и цитадель нашей веры, посовещались и объединились бы, чтобы, затушив этот огонь, сохранить и привести достояние нашей веры в цветущее и возвышенное положение» [9, с. 87].

Впоследствии, с конца XVIII века, царское правительство ухватится за идею о «булгарской» идентичности и мысли, выраженные Батыршой, и использует их в своих интересах, превратив ислам в часть государственной имперской идеологии.

В свете вышесказанного происходит сгущение биполярной, конфликтной ситуации, ясно прослеживаемое в тексте письма. К примеру, гайнинцы хвалятся воспоминаниями об уничтожении четырьмястами соплеменниками тысячного русского отряда, татарская молодежь из Каргалов, соревнуясь в стрельбе из лука, учится «простреливать неверных» [Там же, с. 83], Батырша сам пускает стрелу в предателя [Хусейна], упреждая выстрел того, и пробивает «его насквозь ниже ушей» [Там же, с. 101].

По отношению к своим врагам автор сам или со слов персонажей использует такие эпитеты, как «старая свинья» [по отношению к мирзе Кутлумету], «проклятый и безрассудный генерал» [по отношению к губернатору И. И. Неплюеву] «проклятые» [по отношению к черемисам], «предатели» [по отношению к преследовавшим его старшинам и их команде], «наместники-злодеи», «угнетатели», «вор и злодей», «невежественные» [по отношению к местному русскому начальству и старшинам-куштанам]. Просит императрицу причислить к «непокорным и мятежникам» злодеев, перешедших все дозволенные границы в угнетении населения.

В письме ярко выражено чувство страха у народов Урало-Поволжья перед новой, чуждой политической культурой, выраженной указами и конкретными действиями представителей власти, перед колонизаторами. Люди говорить откровенно боятся, дрожат при упоминании «неверных, с их многочисленным, подобным сыпучему песку, войском» [Там же, с. 93], доведены до беспомощного состояния, всегда готовы бежать в казахские степи и скрываться. И сам автор, Батырша, вынужден во время восстания скрываться с семьей в лесах и подвалах, теряя родных и близких, не доверяя даже своим соплеменникам – мещерякам.

Несмотря (а может, даже вопреки) на ожесточенное столкновение двух культурных миров в XVIII веке, возникают и дружественные взаимоотношения между русским и башкирским народами, вектор общения, названный «знакумлык» (знакомство), определяющий на первом этапе тесные экономические связи. Исходя из побуждений, действий и отдельных поступков в тексте письма, видим зачатки взаимодействия башкир и мещеряков с русскими не только путем конфликта, но и симбиоза, взаимовыгодного сосуществования, о чем свидетельствует следующий фрагмент: «Один мой старший шурин в Черемшане, – сказал мулла Исмагил, – говорил мне: о мой зять, мулла Исмагил! Я тебя ждал с сильным желанием и вести к тебе посылал по одному тайному обстоятельству: в крепости Булар имеется у меня закадычный друг русский, такой-то по имени» [Там же, с. 90]. Русский оказывается зажиточным, собравшим большой капитал из серебряных монет с арабской вязью. Втайне от имперской администрации он дает серебро мишарам и башкирам на выгодных условиях. Конечно же, в таком деле никто не хочет рисковать и желает работать с верными людьми.

В данном контексте употребляется словосочетание «закадычный друг русский» («сердэш урус дустум») – о возникновении в условиях конфронтации дружественных контактов между башкирами и русскими, первоначально – на экономической основе.

Также Батырша Алиев в письме не преминул похвалить некоторых представителей русских властей, называя их «правосудными», в том числе уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова и воеводы И. Ф. Люткина, челябинского коменданта П. С. Бахметова, которые были «с таким беспредельным великодушием, что из страха перед их справедливостью и отвагой все подвластные им злодеи в крепостях и уездах воздерживались от злодеяний» [Там же, с. 107].

Интересно мнение С. М. Хусаинова, который сообщает следующее: обдумав различные идеологические парадигмы, ахун приходит к выводу о том, что необходим не революционный путь, а реформационный – созидательный и бескровный. Идеологическая борьба, отраженная в памятниках народной публицистики башкирского народа, и широкие массовые движения оказывали значимое влияние на развитие государственной структуры России и исторические процессы [12, с. 195].

Судя по письму Батырши Алиева императрице Елизавете Петровне, в основе русско-башкирских взаимоотношений к середине XVIII века лежит вектор жесткой, драматичной для башкир конфронтации в ходе построения в мировоззрении русских системы стереотипов об автохтонном народе. Однако имеются в письме и стремления ужиться, перейти от хаоса к порядку, происходят явления аккультурации и аттракции. То есть, исходя из теории, русская и башкирская культуры в неустойчивом состоянии как системы стремятся к стабильности, а в устойчивости проглядываются векторы будущего беспорядка. Когда системы «перегреваются», их структуры подвергаются разрушению, что впоследствии ведет к выбору из многих вариантов одного сценария развития. В такой парадигме случайности межкультурных взаимодействий срабатывают как механизм, аттрактор собственной организации, выводящий культуру на вектор своего внутреннего развития [5, с. 362].

Список источников

1. Акманов И. Г. Исторические предпосылки создания автономии Башкортостана в 1917-1919 гг. // Истоки российского федерализма в свете провозглашения автономии Башкортостан: мат-лы всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 90-летию провозглашения территориальной автономии Башкортостана. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 44-47.
2. Аллен Ф. Исламская историография и булгарская идентичность татар и башкир в России. Казань: Российский исламский университет, 2008. 267 с.
3. Бельская Т. Б. О характере башкирского восстания 1755 г. // Ученые записки. Уфа: БГУ, 1970. С. 147-162.
4. Валеев Д. Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа: Китап, 2001. 352 с.
5. Волкова В. Б., Кривошлыкова М. В., Назарычева А. И. Русско-башкирские культурные контакты как фактор динамики культуры Южного Урала // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 359-368.

6. Идельбаев М. Х. Башкирская литература XVIII в. и творчество Салавата Юлаева. Уфа: БГУ, 2003. 158 с.
7. История башкирского народа: в 7-ми т. / гл. ред. М. М. Кулшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2011. Т. III. 476 с.
8. Кривошлыкова М. В. Традиционализм как центральная тема русских представлений о башкирской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). Ч. 2. С. 105-108.
9. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / сост., авт. введения, комментариев и глоссария акад. Г. Б. Хусаинова. Уфа: УНЦ РАН, 1993. 250 с.
10. Сизоненко З. Л. Межнациональная семья как объект этносоциального исследования // Социальная политика и социология. 2010. № 8 (62). С. 170-177.
11. Хусаинов Г. Б. Гуманитарий. Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография. Уфа: Гилем, 2008. 634 с.
12. Хусаинов С. М. Истоки идей федерализма в России и башкирская народная публицистика XVIII в. (на примере письменного наследия Батырши Алиева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 191-196.

**ISSUES OF THE RUSSIAN-BASHKIR RELATIONS
IN BATYRSHA ALIEV'S LETTER TO EMPRESS ELIZAVETA PETROVNA**

Huzhahmetov Ainur Oskarovich, Ph. D. in Philology
Usmanov Rinat Shamilevich, Ph. D. in Philology
Bashkir State University, Ufa
khuzha@mail.ru; rinatusmanov@mail.ru

The article is devoted to analysing Batyrsha Aliev's letter to Empress Elizaveta Petrovna. The paper tackles the problems that occurred under the confrontation of the two worldviews at different levels. By the example of Batyrsha's letter the authors analyse interrelations between the nations, which over the century evolved from relatively stable economic cooperation to the state of sharp conflict. The originality of the study is in the fact that it discovers the general vector of the Russian and Bashkir cultures development from stability to instability and vice-versa from the viewpoint of literary and culturological paradigms.

Key words and phrases: Russian-Bashkir relations; Batyrsha Aliev; epistolary genre; linguo-stylistic analysis; image; culture; traditions; values; attractor.

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 21.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-12-2.13>

В статье рассматривается жанровое своеобразие современной чувашской прозы, поскольку в начале XXI в. в национальной литературе возрос интерес к новым видам жанров. Выявлено, что на появление новых видов жанров повлияло осмысление прозаиками исторических процессов, происходивших в XX в. в России. Исследуя многообразие жанров в контексте литературы тюркских народов Поволжья, автор полагает, что в начале XXI столетия в жанрах чувашской прозы наблюдается тяготение к документальности, историчности, стремление к эпичности. Кроме того, появляется новая тенденция – мифологическое мировосприятие отдельного писателя способствует возникновению жанра романа-этнофентези.

Ключевые слова и фразы: чувашская проза; исторические события; жанры; рассказ; документальная повесть; роман-этнофентези; Римма Прокопьева; Ева Лисина; Анатолий Хмыт; Сергей Павлов; Владимир Степанов.

Чекушкина Елена Петровна, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
enarpi@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЫ**

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-21024
(The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-14-21024).*

Современные тюркоязычные народы России – чувашаи, татары, башкиры – в основном населяют территорию Урало-Поволжского региона. В этом регионе также проживают группы финно-угорских народов (марийцы, удмурты, мордва). Хотя тюркские и финно-угорские народы различаются по происхождению, языку, религии, культурным традициям, однако одинаковые природные условия, похожие исторические процессы «способствовали установлению тесных контактов между ними и определили сходные черты их материальной и духовной культур» [1, с. 235]. Именно поэтому в литературах вышеназванных народов очень многое перекликается: мотивы и сюжетные коллизии, художественные тенденции и жанрово-стилевые особенности, литературные направления и многое другое. В своих предыдущих исследованиях автор статьи неоднократно изучала вопросы современного межлитературного диалога у тюркских народов Поволжья [15-17]. Настоящая статья является продолжением этой же серии.

Надо отметить, что в конце XX – начале XXI в. в чувашскую литературу вливается новое поколение писателей (С. Павлов, Г. Максимов, В. Степанов, А. Хмыт, М. Карягина, Е. Нарби, Р. Прокопьева, Н. Ильина и др.), которое в свою очередь обогащает ее разными жанрами и стилями. На наш взгляд, именно с этим фактом связано и то, что в современном чувашском литературоведении немало внимания уделено изучению жанрового